

И разверзлись хляби

1.

15 апреля 2506 года ровно в 18:35, если верить календарю Настоятельница, одна из трёх "ангельских" труб заговорила. Раздался низкий звук, похожий на тихий нетерпеливый рев хищника, сидящего в засаде. Эта сирена означала, что где то далеко вверху, в толще скал, сработал механизм, перекрывающий подачу воздуха.

- Оу, вероятность этого - одна на миллион, - убеждал чиновников благостный менеджер в синем костюме сто пятьдесят лет назад, - мы оснащаем наши подводные тюрьмы оборудованием, которое не может подвести. Одна авария на миллион счастливых исходов не преминула случиться.

Тюремный комплекс "ВХ-14L", который окрестили в прессе "Ордалиями", восемь недель назад потерял связь с поверхностью. Система псевдоразума Настоятельница почему-то дала сбой и перезагрузилась. Батискаф с провизией и сменой сестер-надсмотрщиц с тюремного лайнера Матриархии не спустился в положенное время, а в баке штатного аварийного батискафа не оказалось топлива - с самого открытия тюрьмы аварий не случалось. Из-за этой оплошности сестер-инженеров ждал суд Высшего Трибунала, а персонал и заключенных - медленная и ужасная смерть.

- Внимание! Воздушная блокада! Всеми персоналу собраться координаторской зоне!, - голос Настоятельница был бесстрастен, но всем, кто спешил на этот зов, слышались в нем надсадные нотки. Ослепительно белые стены отразили синие вспышки - Настоятельница зажгла все экраны в зале координаторской зоны. Вслед за этими зарницами слышался гром - коридоры, ведущие в зал наполнились тяжелыми раскатами шагов - двадцать три женщины в тяжелых ботинках, черной форме и с осунувшимися лицами быстро шли, изо всех сил пытаясь не бежать, дабы не опозорить себя в глазах Сестры-Коменданта.

Она пришла первой. Она всегда приходила первой - был ли это сбой подачи электричества, попытка самоубийства заключенной, либо просто молодая сестра, не выдержав шестимесячного заточения, в истерике крушила Рекреационную Зону. Комендант на несколько секунд замирала в выжидающей позе, оценивая ситуацию, а потом, будто человек, у которого случилось дежа вю, и который знает, что произойдет в следующий миг, минимумом действий исправляла положение вещей. Казалось, Комендант каким то непостижимым образом знает все, что происходит на квадратном километре комплекса. Она была непреложным столпом "Ордалий" - ее боялись и с ней считались все. Сестра-комендант лишила имен всех сестер. Согласно ее приказу, обращаться друг к другу персонал комплекса мог только по номерам - как и к заключенным. Только она сама не носила на груди номер - просто "Сестра-комендант". Безымянная, холодная и жесткая, она умело балансировала между слепой преданностью обезличенных работников и их ненавистью. Про нее ходил слух, что-де она была рождена в этой тюрьме сорок лет назад, и, прожив здесь всю жизнь, поднимается на поверхность только подчиняясь экстренным приказам Совета Матриархии, потому что солнечные лучи для ее кожи губительны. Этот и еще более нелепые слухи пересказывали только шепотом и наедине - Сестра-комендант заставляла бы замолчать сплетниц, как она заставляла замолчать чересчур смешливых и слишком недовольных.

Сестра-комендант уже стояла на мостике, поводя белыми пальцами по голографическим консолям. Четверо дежурных сестер-координаторов колдовали над своими пультами, и только бисеринки пота на висках выдавали их тяжелый страх. Пятая заканчивала доклад:

- ...Давление стабилизировано. Причина аварии не ясна - очаг поражения первой трубы воздуховода находится вне зоны действия радара. Это... примерно пять километров над комплексом...

- Каковы прогнозы Настоятельница?, - оборвал ее властный голос с мостика.

- Пр... Прогнозы, Сестра-комендант? - девушка захлебнулась словами. В просторном зале голос ее прозвучал мышинным писком.

- Кислород, номер семнадцать. Хватит ли персоналу кислорода? - вопрос прозвучал спокойно и отстраненно - будто самой Сестре-коменданту кислород вовсе и не требовался.

- По оценке Настоятельница, критический уровень кислорода не достигнут. Две трубы воздуховода в состоянии обеспечить жизнедеятельность в комплексе всему персоналу и заключенным. Я считаю...

- Что вы считаете? - Комендант резко ударила ладонями по консолям и они исчезли. Презрительный взгляд зеленых глаз впился в обомлевшую сестру-координатора.

- Я... считаю, что нужно реконструировать оранжерею для более качественного...

- Спасибо, номер семнадцать. Вы можете приступить к своим основным обязанностям, - слова упали на несчастную, как огромные куски бетона, припечатав ее к блестящему белому полу. Она сотворила знамение смирения и, сгорбленная, вернулась за центральную консоль.

Сестра-комендант со свистом развернулась на каблуках. Перед ней стояли в два идеально ровных ряда все из персонала тюрьмы, кто, согласно директиве номер шесть, смог оторваться от дежурств по причине экстренной ситуации. На первый взгляд, это были бесполое клоны - напряженные лица, короткие прически, безукоризненно сидящая черная форма с латунными строчками номеров, выправка. Но в каждой - в неуловимо насмешливом изгибе брови ли, в преступном блеске лака на ногтях, в уголках ненакрашенных губ - виднелась зыбкая черта, которая делает женщину таковой, и отличает ее от другой женщины. Черта, которую не похоронить под девятью километрами беспросветного Океана, не задавить тюремным бытом, не покорить жестокой волей. Очевидно, эту черту Сестра-комендант ненавидела больше всего, но лишь бессильно злилась, ибо сама была лишена ее. Но она не собиралась сдаваться. Война с подчиненными шла всегда - даже сейчас - на волосок от смерти.

Комендант набрала воздуху в грудь, но тут в глубине зала послышался резкий звук. Все головы резко повернулись вправо - напряжение дало о себе знать. На контрольной панели воздуховода с тремя индикаторами труб, выполненных в форме крыла - эмблемы Матриархии, последний раз вспыхнуло оранжевым и погасло первое "крыло". "Ангельская" труба умерла.

Благостный менеджер в синем костюме улыбался сестрам с перманентного плаката над панелью. "Скорее вы подведете наше оборудование, чем оно - вас!"

- Все нормально, - подала голос одна из дежурных, - это всего лишь сигнал. Насос и фильтр трубы обесточен.

Сестра-комендант повернулась к сестрам.

- Персонал. С этого дня комплекс "ВХ-14L" переходит на режим строжайшей экономии. Оборудование, не обеспечивающее жизнедеятельность, будет отключено. Потребление провизии и воды сокращается вдвое. Для заключенных и для персонала. Это понятно?

Ответом ей было напряженное молчание.

- Далее. Довожу до вас следующую директиву. Информировать заключенных о настоящем положении комплекса строго запрещено. Виновные будут наказаны. Дежурства сестер-координаторов у радара и центра связи будут жестко контролироваться. Это все.

Вольно.

Сестры сотворили знамение смирения и их строй рассыпался. Все спешили занять оставленные посты.

- Сестра номер двадцать пять!

Молодая черноволосая сестра с ямочками на щеках замерла у nano-двери, уже растекшейся перед ней.

- Я, Сестра-комендант!

Комендант выждала, пока за последней уходящей сомкнутся серые плиты дверей и сошла с мостика.

- У меня к вам секретная директива, сестра...- голос фурии на этот раз звучал намного тише, но металла в нем не убывало.

- Служение Матриархии - моя привилегия, - сестра номер двадцать пять щелкнула каблуками и склонила голову, бесцветно произнося формулу.

- Вы медик, - Сестра-комендант произнесла свои слова так, будто быть медиком - это преступление, - мне нужна ваша консультация.

Сестра скользнула по фигуре Коменданта глазами.

- Конечно.

Комендант подняла бровь:

- Нет, осматривать вы будете не меня. В боксе вас ждет заключенная.

2.

Джуди ненавидела Сестру-Коменданта. С первого мгновения, когда молодая сестра прошла сквозь шлюзы "Ордалий", сгибаясь от тошноты и волоча с собой чемодан с медицинскими инструментами, она поняла, что эта мегера с зелеными глазами, которая проверяла документы у новоприбывшей смены, станет основным источником неприятностей для нее ближайшие полгода. Комендант ничуть разочаровала ее.

Джуди закончила высший колледж Матриархии не потому что она с замиранием сердца ожидала Второго Пришествия, и не потому что считала женщин венцом эволюции. В родном Йорке окончания ее смены ждал светловолосый Пинч, которого она называла "Панч", и Джуди о значении в истории лично для нее, высказалась бы, скорее, в пользу мужчин. Да и набожна она была в умеренной степени. Но могучая религиозно-политическая громада Матриархии могла позволить получить блестящее и бесплатное образование всем девушкам, согласным стать под ее крылатые знамена. И Джуди не преминула этим воспользоваться, ведь ее семья была не из богатеев. Джуди прошла собеседование, получила белый пиджак с крылышком на лацкане и на четыре года отбыла в Европу - становится молодым матриархальным врачом.

Джуди не могла и предполагать, что отработать ей придется в "Ордалиях". Она слышала всего лишь несколько раз о таинственных глубинных тюрьмах Матриархии, в которых содержались женщины, осужденные пожизненно, но представить себя запертой в стальном пузыре на дне океана с толпой убийц - нет, она не могла. Бланк о распределении Джуди вручили подруги. И они же были вынуждены утешать всю ночь несчастную, которая проклинала на все лады сестру-медика с "Ордалий", которая вздумала умереть от бытового отравления, и которую ей, Джуди, предстояло заменить. Подруги, тыча в мерцающие гологазеты, наперебой говорили ей, что бояться не стоит, что "Ордалии" - самая надежная тюрьма в мире, и что возможности сбежать и взбунтоваться заключенным просто не существует. Джуди поднимала на них покрасневшие глаза и отвечала, что сбежать и взбунтоваться там нельзя не только заключенным, но и тюремщикам.

С тяжелым сердцем Джуди сменила белые одежды на черные. Прощание с родителями и Панчем загнало ее в глубокую тоску, из которой ее не смогла вытащить ни последняя пьянка с друзьями в увитом лесами Лондоне, который все никак не могли отстроить после Великой Трансконтинентальной, ни плюшевый медведь с зачатками псевдоразума, который подарил Джуди Панч на прощание. Перед глазами новоиспеченной сестры-надсмотрщицы уже качалась непроглядная толща Океана и из тьмы выступали уродливые лица преступниц, которых ей предстояло лечить и охранять. Она не боялась, нет. Клаустрофобия ее никогда не тревожила, и пожизненно осужденные ее не страшили. Ей было противно погружать себя в холодный темный мир, когда над домом ее родителей в пригороде светило солнце.

- Пусть стены на границах растут, пусть Матриархия делит планету со Старым Миром, пусть Эйкумену поглотила холодная война, - радуйтесь - ведь вас ждут дома любимые, и цветы еще раскрывают бутоны по утрам... - говорила Джуди полногрудая Мадонна с младенцем на руках из социальной рекламы на независимых каналах. Джуди соглашалась с ней безоговорочно и тайком пускала слезу, когда младенец смеялся, трогая миниатюрный живой земной шар на груди матери. И хоть реклама была просто средством борьбы с повальной депрессией у населения, сердце Джуди тронула именно эта бутафорская Мадонна, а не властная крылатая Мария с жестоким лицом, которая держала в одной руке нахмуренного младенца, а другой воздевала меч. Но именно эта, вторая Мария смотрела в спину Джуди, когда она покидала борт батискафа в северной окраине желоба Тонга в Тихом океане. А навстречу ей уже слащаво улыбался с плаката безымянный синий менеджер и холодно глядела Сестра-комендант...

- В боксе? - Джуди непонимающе взглянула на мегеру, - но ключ от медицинского бокса находится у меня...

- Я воспользовалась своим ключом, - Комендант поджала губы, - ситуация экстренная.

- Но я дежурила сегодня в коридоре возле тюремного блока - записей о переводе не было в журнале.

- Без "но", номер двадцать пять. Записей не нужно. Я сама конвоировала заключенную в бокс. Сестры, охраняющие блок были мной предупреждены, - тонкие крылья носа сестры-Коменданта взлетели - мегера не любила нарушать собственноручно установленные правила.

- А какое обследование я должна провести? - Джуди позволила себе немного иронии в голосе. Ей нравилось выводить из себя Коменданта.

Повисла пауза.

Комендант собралась что-то говорить, но осеклась. Обернувшись на сестер-координаторов и убедившись, что они не подслушивают, она сделала шаг к напрягшейся Джуди и еще тише сказала:

- Общее, сестра номер двадцать пять. И помните, что дела о нарушении секретности в подобных нашему заведениях, разбирает Высший Трибунал... Через пятнадцать минут будьте у бокса.

На этих словах Сестра-комендант покинула зал. С тихим шипением серебристые фестоны нано-двери снова слились в твердую поверхность за ее спиной.

Джуди вошла в каюту быстрым шагом. Швырнув свою папку на незастеленную кровать, она направилась к шкафу - за медицинским комбинезоном и перчатками. Вдруг на постели под одеялом что-то завозилось - из-под ткани выглянула плоская мордочка плюшевого медведя.

- Как жизнь, Джуди? - поинтересовался робот хрипловатым голосом Панча.

- Еще пока не знаю, Тедди, - Джуди одной рукой копалась в шкафу, а другой поправляла свою мальчишескую прическу, глядя в зеркало, - черт, ради кого тут прихорашиваться!, - и Джуди зарылась в шкаф полностью.

- А у тебя?

- Пыльновато под твоим одеялом, - медвежонок выбрался полностью и сел, - но вообще - ничего. Ты бы прибралась.

- А почему ты говоришь голосом Панча?

- Ты явно встревожена, и есть вероятность, что голос человека, к которому ты равнодушна, может привести твое эмоциональное состояние в норму.

Джуди отвернулась от шкафа. Она улыбалась.

- Ты умноват для плюшевого медведя. Подержи мои одежды, - и она бросила белый комок в робота, похоронив его под складками комбинезона.

Медвежонок забубнил что-то, что Джуди не услышала. Она прошла к большому иллюминатору, за которым светило летнее солнце и на лужайке невдалеке с тихим смехом возились дети. Пальцы Джуди выковыривали из упаковки тюбик стерильных гель-перчаток.

- Что же ты удумала, зеленоглазая моя... Обследование и обследование... Какие тут тайны?...

- Обследование? - донесся из-под одеяла родной голос Панча, - ты должна отнестись со всей серьезностью к задачам своей профессии, Джуди...

Первым позывом Джуди было припасть к белым складкам щекой. Панч часто переходил на официально-назидательный тон, когда хотел подтрунить над своей ветреной подругой. Но под комбинезоном не было теплых рук Панча. Там была только думающая игрушка, которая, казалось, издевается над ней. "Идиотское изобретение", - вдруг подумала Джуди со злостью.

- Робот-партнер дает мне наставления? - раздраженно обратилась она к шевелящемуся комбинезону, - мне кажется, у тебя перегрелись схемы.

Медвежонок полностью выбрался из-под скомканной блестящей ткани и встал на постели во весь свой полуметровый рост.

- Я хотел сказать...

- Клубничный джем с цукатами, - холодно произнесла Джуди.

Медвежонок замер. Словесный код мгновенно отключил активные зоны его электронного мозга, и он, маслянисто поблескивая пуговками-глазами, повалился навзничь - в смятое одеяло умильной мордочкой.

Наступила тишина. Она будто медленно вывалилась сгустками прозрачного геля из тюбика, который Джуди сжимала в руках, залепила уши, глаза и нос, растеклась тонким слоем по стенам комнаты, заполнила собой каждую щель. Неистощимый поток антисептического геля затопил все вокруг, непроницаемой смертельной пеленой скрыл от Джуди все звуки этого мира. Младенца скрутили судороги на руках у Богоматери. Земной шар лопнул на ее груди, как икринка на зубах. Рот Джуди раскрылся, но она не услышала ни звука. Воздух! Не хватало воздуха! Проклятый гель погрузил Джуди в вакуум! Воздушная блокада... Вакуум был в ее комнате, в ее глазах, в ее

легких, в ее голове, вакуум был в ее жизни. Она почувствовала, как ее глаза вылезают из орбит, как легкие судорожно сокращаются, и как каждая альвеола с лицом синего менеджера по-голливудски улыбается черному войску сестер, которые ровными рядами маршируют в чреве Джуди, не производя ни звука...

Джуди оседала, вцепившись в край стола - вслед за стягиваемой скатертью, которую ей вышила лиловыми бабочками Гудрун, на пол полетел стакан, наручный коммуникатор и подставка с зубочистками. Судорожно ловя ртом воздух, Джуди отстраненно глядела, как, будто в замедленной киносъемке, предметы усыпают металлическую поверхность. Поднявшийся шум привел Джуди в чувство.

Сердцебиение замедлялось, из глаз ее покатались слезы. Взгляд скользнул по информационному табло на стене: до встречи с Сестрой-комендантом оставалось несколько минут.

Дрожа, Джуди поднялась на ноги. Ее снова окружала тишина. Ей казалось, что она непостижимым образом обрела возможность видеть сквозь стены. Она видела каждую каюту, где объятые ужасом, хватались за горло измученные одиночеством и заточением женщины. Каждая смотрела вверх, туда, где о них забыли, оставили гнить в железной банке под тоннами воды, откуда, казалось, уже не блеснет хотя бы эхо света прожекторов.

Джуди попыталась улыбнуться, глядя на ненастоящих детей в иллюминаторе. Улыбка вышла такой же ненастоящей. Вытирая лицо рукавом, Джуди опустилась на кровать и посадила себе на колени бездыханную игрушку. Медвежонок бессмысленно глядел перед собой. Кнопка активации пряталась на затылке робота, Джуди автоматически нажала на нее пальцем -

Тедди ожил: тело его сотрясла мелкая дрожь, и, блаженно потягиваясь, он произнес бархатистым смешным голоском:

- Салют, Джуди!

Сестра номер двадцать пять улыбнулась сквозь слезы:

- Тедди, мы ведь не умрем?...Не умрем?...

- Она умирает, сестра Комендант...

Джуди была сбита с толку. Она снова и снова пробегала глазами по истории болезни заключенной номер 1435. Как гласил текст на экране голографической консоли, последней осматривала ее предыдущая сестра-медик, которую сменила Джуди. Осмотр был произведен почти год назад. Даже о профилактических осмотрах этой заключенной с тех пор сведений в базе данных не было.

Сестра-комендант стояла у самого стекла и напряженно смотрела на заключенную номер 1435, которая бессильно распласталась на койке в соседней комнате. Взрывы сухого кашля сотрясали грудь номера 1435. Худые запястья больной были прикованы к краям ее одра, глаза ее закатились под закрытыми веками, скривившиеся губы говорили о том, что даже сквозь забытие она чувствует боль.

Над иссохшим телом пожизненно осужденной уже витал дух смерти. Она валялась сломанной, никому не нужной бритоголовой куклой, запертой в четырех белых стенах бокса. Джуди отвернулась: нельзя жалеть...

Пальцы коснулись закладки "Статья". Так и есть. 1435 - изверг. "Тройное убийство". Дальше смотреть Джуди не стала.

- Что с ней? - отрывисто спросила Комендант. Джуди что-то слышалось в ее голосе. Она нервничает?

- Анализы будут готовы через две минуты, Сестра-комендант, но уже сейчас можно сказать, что состояние заключенной тяжелое. И есть одна вещь...

Мегера вонзила в Джуди тяжелый вопросительный взгляд.

- Гинекологический осмотр показал, что...Хотя, возможно, я что-то напутала...

- Говорите.

- Состояние молочных желез и половых органов... Она недавно рожала, Сестра-комендант.

- Это абсурд. - Комендант повернулась к экрану. Полоска света от индикатора скользнула по ее щеке - Джуди опять показалось, будто лицо Сестры болезненно исказилось.

- Да, моя ошибка, простите, - Джуди прикусила губу. Этого не может быть, потому что просто не может быть.

На экране консоли заморгали результаты анализов. Лоб Джуди покрыла испарина. Она снова будто только что вышла из батискафа.

- Сестра-комендант. Это - сепсис... У заключенной в крови инфекция... По сведениям наноботов - диагноз - неполное отслоение плаценты. Она рожала. - и Джуди поспешила превратиться в каменную статую.

Повисло молчание.

Сестра-комендант медленно, будто глубоководный светящийся кальмар с белыми глазами, который часто плавал за иллюминатором в Рекреационной Зоне, прошла за спину Джуди.

- Вы знаете, почему наш комплекс называют "Ордалиями", номер двадцать пять? - услышала Джуди над самым ухом.

- Никак нет.

- В средние века, номер двадцать пять, люди очень боялись ведьм. Считалось, что они - спутницы дьявола, адепты зла. - шепот Сестры-Коменданта становился все яростнее, - а чтобы проверить - ведьма женщина или нет, применяли ордалии - Божий суд. Осужденную бросали в пруд с камнем на шее. Если она тонула - то, значит, была виновна. Ведь Бог помогает только безвинной душе...

Какое варварство, - подумала Джуди.

- В этой тюрьме - только ведьмы. Они все утонули, - Джуди почувствовала тепло дыхания Коменданта, - все наши заключенные - отщепенки - убийцы, насильницы, шлюхи. Груз грехов увлек их на дно, и тут им оставаться всю их жизнь.

Джуди напряглась: Сестра-комендант говорила, как фанатичные проповедники неорелигий, вещавшие на свободных каналах - страстно, тщательно выцеживая каждое слово.

- Материнство - это дар, - продолжала Комендант, - но Бог не дарует благ ведьмам. И Мария Меченосная не отмечает ведьм своей печатью. У ведьм не бывает детей...

Джуди стало жарко. Она судорожно соображала, как среагировать на этот монолог, не теряя самообладания.

- И потом, - каблуки Сестры-коменданта взвизгнули, и она прошла как ни в чем не бывало к кофейному аппарату, - Уж кому, а вам как не знать, что в тюрьме Матриархии исключены инциденты, связанные с беременностью или деторождением среди заключенных. Это просто смешно.

- То есть вы предлагаете мне забыть о том, что я видела? - спросила Джуди, глядя, как Комендант пытается наполнить свой стакан в белой панели, выдающейся из стены, - у вас не получится, все кофейные аппараты обесточены.

Мегера повернулась к Джуди, держа пустой стакан в руках. Глаза ее были пусты.

- Да, забудьте. А точнее - дайте заключенной все необходимые лекарства и прооперируйте ее, а потом забудьте, номер двадцать пять.

Джуди почувствовала, как внутри взорвалось что то горячее. Она полезла на рожон:

- А почему я должна так делать?

- Может быть, потому что служение Матриархии - ваша привилегия, или...

Сестра-комендант вдавила кнопку на своем наручном коммуникаторе:

- Настоятельница, временно включить кофейный аппарат в боксе медицинской зоны!

Под шипение струи кофе Комендант продолжила, холодно ухмыляясь:

- Или потому что у меня тут больше власти, чем у вас, номер двадцать пять.

4.

Воздух в "Ордалиях" стал ощутимо влажным. Особенно это чувствовалось в столовой, где свободные от дежурств сестры собирались перекусить. Все говорили вполголоса, изредка слышался скрип отодвигаемых стульев и скрежет ложек о тарелки. Все эти звуки лениво и болезненно разносились в сгустившемся воздухе. Над каждым столом витал страх.

- Она скрывает что-то. Понимаешь, я проверила записи - такое ощущение, что Комендантша прятала от меня эту заключенную с тех пор, как я сюда прибыла, - шепотом рассказывала Джуди.

Гудрун слушала ее, склонив голову. На устах ее играла легкая улыбка.

Она все делает с полуулыбкой, - подумалось Джуди. Радуетя, печалится. Живет с полуулыбкой. Наверное, за это я ее и люблю. Как бы я хотела так же принимать все, что происходит в моей гребаной жизни... Хотя... У нас тут одна жизнь на всех.

Гудрун запустила пятерню в свои золотые волосы и ковырнула рисовую кашу в тарелке.

- Джу, не вали все на Коменданта - она же не институтом благородных девиц управляет. Ты могла ошибиться...

- Я не ошиблась! - Джуди осеклась и, поглядев по сторонам, продолжила более тихо, - Только - никому. Заключенная была беременна и родила! Тут ошибиться трудно. Судя по ее состоянию, это случилось несколько недель назад. И распросить номер 1435 я не могу, потому что она без сознания, того и гляди умрет.

- Но Джу. Тут не может быть мужчин. И тут нельзя забеременеть искусственно. Особенно если ты - заключенная. Это же тюряга, Джу!

- Я все понимаю, Гуди. Но я видела то, что видела, - Джуди стала гневно жевать. Обида, здравый смысл и страх яростно сражались внутри нее.

- Еще знаешь что, - вдруг сказала Джуди подруге, - если есть мать, то где то должен быть ребенок. Ты представляешь себе здесь младенца, Гуди?

Гудрун ответила долгим взглядом.

- Мне страшно за этого ребенка, - Джуди понизила голос, - и вообще - знаешь что? Мне страшно. Мне просто страшно. Страшно, что мы тут задохнемся, страшно, что за нами не приплывут. Гуди, черт, я вообще трясусь от страха. Наверное, поэтому я и работаю, работаю, как проклятая, забиваю себе голову этой роженицей, ребенком и Комендантшей...

Гудрун улыбнулась и накрыла внезапно задрожавшие пальцы подруги своей широкой ладонью.

- Джу... Посмотри на меня, родная... Вот так... Ну что ты убиваешься? Ты же мне сама рассказывала про черные полосы - что их просто надо пережить, стиснув зубы. У нас сейчас такая полоса - так зачем бояться? Ведь она все равно закончится. А ты потом будешь смеяться со своим Панчем, рассказывая, как ты рвала на себе волосы на дне Тихого океана...

- А ты со своим Альфи, - Джуди тоже погладила подругу по руке.

- Какой Альфи? - Гудрун прыснула - Альфи нет. Альфи был пред-предпоследним!

Подруги засмеялись - достаточно громко, чтобы обедающие стали поворачиваться.

- Спасибо тебе, Гуди, - прошептала Джуди, - ты - моя полуулыбка...

- Что? - спросила Гудрун одними губами.

- Нет, нет, ничего, - Джуди вернулась к еде.

- А еще, - Гудрун тронула пальцами шею, - нужно молиться, Джу, - Гудрун сделала паузу, - Ты читала Библию?

- Нет, но я в курсе мировой литературы, - промычала Джуди, со смешанными чувствами вспоминая телевизионную Мадонну.

- Я подумала, что все, что с нами происходит в жизни, уже написано там. Смотри, мы рождаемся, ходим невинными, потом взрослеем, познаем суть вещей как Адам и Ева, а дальше - по накатанной. Боремся - с собой, с миром, с Богом. Теряем Бога, ищем его, находим. Потом оказывается, что это не Бог. Разочаровываемся, отворачиваемся. Потом становится известно, что это - Его дитя. Да еще и наше собственное. Но поздно причитать - уже распяли. И ты понимаешь, что распяли-то не его - тебя, что время прошло, что все то хорошее, что в тебе было уже потеряно. А пол-жизни уже прожито. И ты пытаешься что-то наверстать, бежишь куда-то, вырываешь из торта розочки, а нет чтобы остановиться и подумать. А вот уже и ангелы Апокалипсиса трубят - первый, второй... Как будто сигнал - Он снова сейчас придет, была душой всю жизнь, так хоть покайся в этом, хоть осознай...

- И что? - спросила Джуди.

Гудрун ответила после паузы:

- Вот я и думаю, что была душой. Мамину молитву вспомнила...

- И что? - снова спросила Джуди

- И мне легче, - улыбнулась Гудрун, - и мне не так страшно, Джу.

- Я далека от этого, - Джуди отложила вилку, - меня, Гуди, утомляют разговоры о Боге, ты же знаешь. А на наших утренних молитвах я просто шевелю губами. Нет, Гуди, Бога в моей жизни - взаправду - нет. Я могу надеяться только на тех, кто есть у меня, понимаешь? Есть. Это мои родители, друзья и жених на поверхности. Это ты - здесь, да еще мой плюшевый медведь. Больше я никого не видела и не слышала ничьих слов...

- Ну вот, я тебе и говорю... Каждый молится, как умеет, - Гудрун улыбнулась, - я не то чтобы супер-благочестивая барышня, но мне кажется, это тебе поможет...

Джуди начала раздражаться.

- Гуди, я тебя очень люблю, но я не верю в чудеса. И не знаю молитв. А почему ты мне это все говоришь?

Гудрун посмотрела Джуди в глаза:

- Потому что я вижу, как ты боишься.

- Неужели ты не боишься?

- Попробуй коктейль, - Джуди приняла из рук подруги чашку. - Нет, Джу, я не боюсь. То есть мне было страшно. Но потом я увидела, как ведет себя Сестра-комендант после того, как выключилась труба - она была ровной и спокойной. Такой же всегда была и моя мама, хоть она и почаще улыбалась, чем наша начальница. Незадолго до смерти мама сказала мне: "Когда меня не будет, за тобой будет приглядывать Бог. Не волнуйся, он все устроит." И я поверила в это только здесь, сейчас. Что он все устроит. И мне теперь легче.

- Гуди, но мы же можем... умереть, - у Джуди закружилась голова от реальности своих слов, - умереть от голода и удушья, если так пойдет, то я первая наложу на себя руки!

- Откуда ты можешь знать, что будет? - Гудрун улыбнулась, - а с другой стороны - если за нами не придут, то смерть - это же единственный способ отсюда вырваться, верно? А если так - то зачем нам бояться смерти?

Джуди не ожидала таких слов от Гудрун. Неуспокоенная, она уткнулась в тарелку, и только теперь заметила, что в столовой повисла тишина, а около

их стола кто-то стоит. Это была сестра номер девятнадцать, Джуди вечно забывала ее имя. Номер девятнадцать была одной из самых старослужащих сестер-надсмотрщиц. Ей прислуживало несколько сестер чином младше - как обычно бывает в колледже - к сильной, наглой девочке тянутся те, кто послабее, и со временем становятся ее рабами. Хмурое маленькое войско, которое раньше участвовало лишь в словесных боях, стояло недалеко, готовое вцепиться в горло за своего вожака.

Джуди заметила, как на багровой шее номера девятнадцать бьется жилка. Побелевшие костяшки, расширенные зрачки - плохой знак.

- Как ты можешь! - дрожа, выдохнула номер девятнадцать, обращаясь к Гудрун.

- Я...

- Заткнись! - внезапно громко взвизгнула безымянная сестра, - Заткнись! Как ты можешь говорить о смерти! Я... Я запрещаю тебе!

Джуди поняла все - человека перед ней пожрал страх. И этого человека нужно опасаться. Джуди осторожно, чтобы не делать резких движений стала собирать тарелки на поднос, собираясь встать.

- Заткнись! - теперь крик был обращен к ней. Тычок в плечо опрокинул ее лицом на стол, на пол посыпалась посуда с неприятным металлическим лязгом. В просторном зале столовой послышалась возня - все оторвались от еды, чтобы узнать что случилось.

Гудрун сидела с невозмутимым лицом. Если она начнет противоречить, то вызовет лишь более жесткую вспышку гнева. Джуди осторожно потрогала кобуру: парализатор был на месте.

Сестра номер девятнадцать вскинула руки, голос ее звенел истеричными нотками:

- Никто не говорит больше что мы умрем! Потому что... Мы не умрем! Воздух есть! Вот, я дышу, видите? Есть еда, а значит мы не умрем! Но некоторые сотрудники утверждают, что это не так! Ну что - мы умрем? - обратилась она к Гудрун.

- Мы все когда-нибудь умрем, - отозвалась та.

С нечленораздельным криком номер девятнадцать ударила Гудрун по лицу. Гудрун упала, кто-то взвигнул, в волосы Джуди вцепились пальцы. Отдирая от себя обезумевшую от страха и злобы номер девятнадцать, Джуди закричала:

- Без паники!

Но паника давала о себе знать. Под столом каталась Гудрун, которой одна из пособниц номера девятнадцать, царапала лицо. Борющиеся опрокинули стулья, сбоку послышались приглушенные выкрики, гвалт нарастал. Наконец, морщась от боли и нащупывая плоскую ручку парализатора, Джуди вывернулась и всадила в номер девятнадцать две ампулы. Та вздрогнула и стала медленно заваливаться назад. Но это был еще не конец - рыча, на спину Джуди, которая от неожиданности выронила парализатор, запрыгнула еще одна сестра из шайки номера девятнадцать. Страх придает людям силы, - подумала Джуди, отчаянно пытаясь сбросить с себя хрупкую на вид девушку. Опомнившиеся сестры бросились их разнимать, когда зал вдруг наполнил густой низкий звук сирены. Перебранка мгновенно утихла, все замерли, подняв головы вверх, будто пытаясь пронизать взглядом блестящий белый потолок. Протяжный гул лился и лился из динамиков, втекая в сердце каждой, как отравы. Это трубила вторая труба воздуховода, второй ангел. Джуди услышала, как в собравшейся толпе кто-то зарыдал. Информационные панели на стенах вспыхнули, и в столовой раздался отстраненный до звона в ушах голос Настоятельницы:

- Внимание! Воздушная блокада! Всем персоналу собраться координаторской зоне!

- Нет, - подумала Джуди, - нет...

5.

Джуди не молилась Марии Меченосной. Стоя в коленопреклоненном строю, закусив разбитую губу, под монотонный хор дрожащих голосов, она пыталась привести мысли в порядок. Солнечный Йорк, родители, Панч, домашняя кошка Нэнси вдруг оказались близко-близко - будто все эти места, люди, существа находились на крыше тюрьмы. Будто нет океана - открой люк, выберись, улыбнись солнцу, отряхни с себя этот страх, и забудь все, как страшный сон... Слезы сами побежали из глаз, что-то горячее обожгло горло - будто кусок горячей ваты застрял, не проглотить.

В строю сестер плакали почти все - у кого-то срывались голоса, раздавались сдавленные рыдания. Молитва эта стояла в ежедневном расписании, но на этот раз - она была словно последняя, словно перед казнью. Гудрун, зажмурившись, быстро шептала слова - но - совсем другой молитвы. Сестра-комендант стояла на коленях, спиной к строю - Джуди казалось, что статуя Марии пронзает ей голову мечом. Мегера выговаривала слова ровно и четко, как доклад. Джуди вспомнила про роженицу - умерла она или нет? Жив ли ребенок? Как ей, Джуди, быть, что делать...

Когда молитва была окончена, Сестра-комендант распустила всех по постам. Она по-прежнему была непробиваемой как скала. На плачущих она смотрела с легким отвращением - казалось, что если бы она могла, то затолкала бы эти слезы обратно им в глаза.

Джуди медленно шла по коридору. Минуту раньше в лазарете она сделала укол сестре номер девятнадцать - та окончательно впала в буйство и у нее проявилась эпилепсия. Сейчас безымянная сестра, привязанная ремнями к койке, парила в забытьи - высоко над своими кошмарами. Джуди словила себя на мысли, что завидует ей. Один укол - и отступит этот давящий ужас, сломанные трубы, паника... Но - нет. Бледное лицо заключенной 1435 всплыло в замедленных и туманных мыслях Джуди. Она остановилась. Нет. Да нет же. И Джуди двинулась дальше.

- Вам помочь, сестра двадцать пять? - сестры-надсмотрщицы преградили ей дорогу. Незаметно для себя Джуди оказалась в тюремном блоке - тут горели все лампы.

Глядя сквозь влажные глаза женщин, Джуди протянула им запястье:

- Наблюдение заключенных.

Идентификатор согласно запишал, почуяв под кожей микрочип, и одна из сестер - худая брюнетка - открыла Джуди дверь. Джуди вовсе не собиралась никого наблюдать. Ей просто нужно было идти вперед.

В огромном Мониторинг-зале все оборудование работало как обычно. Под прозрачным полом, как личинки пчел в квадратных сотах, шевелились десятки тел - заключенные. Иные - простоволосые женщины с вороватым взглядом читали бумажные книги, смотрели фильмы, вязали, иные - мужеподобные, коротко стриженные, изуродованные шрамами - потели на тренажерах, курили, тупо глядели в стену. Иные спали, иные бодрствовали.

На секторе каждой камеры мигали бледные цифры с жизненными показателями обитателей.

Джуди медленно шла по залу и над мерцающими клетками разносилось эхо ее шагов. Никто из этих женщин не знал, что она бредет по их потолкам, по нитям их пульса, по столбикам их давления. Они не знали, что скоро умрут в этих белых камерах. Если отключатся поля, поднимется паника и заключенные вырвутся, то смерть наступит раньше от активации наноботов, населяющих их кровь. Если нет, то они будут долго хрипеть и ползать, выцарапывая себе глаза, пока наконец не умрут. О чем они будут думать в этот момент? Кого будут звать? Кого буду звать я? Все так страшно равны перед смертью - и те, кто ждет ее, и те, для кого ее приход стал неожиданностью. Вы утонули и я утонула с вами. И все, что я и вы сделали отвратительного в своей жизни, наверное, обретет новые имена и новый смысл. Я теперь тоже ведьма. Ведь так гласит Божий суд? Наверное, Бог - это человек - когда он на самом краю.

Простите меня, простите... На Джуди навалилось непостижимое чувство вины. В женщинах внизу больше не проступали их злодеяния. Джуди почувствовала, как сердце ее сжала сжигающая любовь. Она любила этих живых людей, но они были будто лабораторные крысы, а сама она - будто ученый, проводящий штатный эксперимент, который, конечно же, убьет всех крыс. Джуди была виновата. Джуди просила прощения и прощала, с ужасом прислушиваясь к эху своих шагов.

Она дошла до пустой камеры. Поле отключено, застеленная постель, открытая бумажная тетрадь на тумбочке, в углу сектора дрожит надпись "Переведена". Джуди дотронулась ногой до команды "Увеличить" - на секторе возникло полноразмерное изображение тетрадного листа. На нем был неумело нарисован маркером пузатый малыш с крылышками и нимбом, окруженный вихрем сердечек и выведена надпись печатными буквами "Моя Крошка."

Джуди опустилась на колени. Она чувствовала, как слезы против воли обжигают её горло. Она упала на холодный экран, припала к нему щекой. Джуди плакала и тысячи слов кружились в ее голове, но она не могла выбрать нужного ни для себя, ни для тех, кто ничего не подозревая, проживал еще один день в своей камере, ни для той, что умирала в боксе. Джуди только гладила и целовала экран над пустой камерой. Гладила и целовала.

В коридорах горела всего половина ламп. От этого у сестер, проходящих мимо Джуди, залегли глубокие тени под глазами. Все шли ровным, жестким, рабочим шагом, куда то несли какие-то приборы, какие-то отчеты. Все нормально. Ничего не случилось. В каждом озабоченном лице будто жила Сестра-комендант. Продолжаем работу - больше ничего не остается.

Экономия энергии не распространялась только на менеджера в синем костюме. Он по-прежнему широко улыбался с перманентных плакатов, предлагая почувствовать настоящий комфорт в Рекреационной Зоне или посетить столовую, будто издевался над обреченными

Джуди шла, прижимая сверток к груди, и слышала, как из-за полузакрытых дверей некоторых кают доносится тихий плач. Кто то плакал поодиночке, кто-то вдвоем. У каждой такой двери Джуди хотелось остановиться и утешить, просто сказать что-нибудь дежурное, но не могла. Боялась, что так и не сможет произнести ни слова. И - у нее была другая цель.

Дверь бокса заурчала, пропуская Джуди внутрь. Бокс полностью снабжался энергией - иллюминация и приборы работали в полную силу. Джуди кинула взгляд на консоль и тронула парящий в воздухе значок - дверь отсека отъехала в сторону.

В отсеке привычно пахло озоном и лекарствами. Заключенная 1435, как мертвая высохшая птица застыла на койке. Приборы показывали слабый но ровный пульс.

Внимание Джуди привлекли тихие голоса - в иллюминаторе играли на лужайке ненастоящие дети. Положив свой сверток в ногах заключенной, Джуди медленно подошла к яркой картинке: за стеклом светило солнце, качались кроны деревьев, двое мальчишек невдалеке затеяли возню. Девочка в ярко-голубом платьице качала на качелях свою куклу и что-то напевала. Джуди смотрела, как сомнамбула, на ее лице играли яркие блики. Она протянула руку и сделала звук громче.

Сон, сон, Полог свой

Свей над детской головой.

Пусть нам снится звонкий ключ,

Тихий, тонкий лунный луч.

Девочка пела, поскрипывали качели, на ветвях дрожали листья. Серые глазенки, с нежностью глядящие на куклу, одетую в белую распашонку, на мновение встретились с глазами Джуди.

Сон, сон, В эту ночь

Улетать не думай прочь.

Материнский нежный смех,

Будь нам лучшей из утех.

Джуди чувствовала аромат нагретой солнцем травы, молочный запах детских волос, дуновение свежего ветра. Она смотрела, пытаясь запомнить каждый листок дерева, каждый блик на пластмассовом тельце куклы, каждую складку на платье певуньи. "Тихий тонкий лунный луч...", - повторяла Джуди, словно в забытьи.

Спи, дитя, спокойным сном.

Целый мир уснул кругом,

Тихо дышит в тишине,

Улыбается во сне...

Сзади послышался шорох:

- Ты пришла?

Джуди обернулась: глаза ее встретились с кротким взглядом карих глаз. Заключение хватало сил лишь немного повернуть бритую голову в сторону Джуди. Сухие губы ее шелестели, как прошлогодняя листва:

- Он сказал, что ты придешь.

- Кто сказал? - Джуди услышала свой, почти такой же тихий голос.

Ответом ей была слабая улыбка. Джуди медленно, стараясь не шуметь, прошла к койке заключенной и стала рядом.

- Ответьте, вы рожали ребенка здесь?

Упоминание о ребенке осияло лицо больной. В огромных глазах ее замерцали слезы, улыбка стала шире. Джуди едва заметно отшатнулась - настолько это печальная радость не вязалась с тройным убийством.

- Да, - прошелестела заключенная № 1435, - Моя крошка...

- Но как это возможно? - перебила Джуди с тюремной строгостью.

Заключенная молчала, улыбаясь и глядя на Джуди.

- Ко мне приходил ангел, - произнесла заключенная.

- Чушь, - тихо ответила Джуди.

- А еще он сказал, кто ты, и что ты придешь.

- И кто я?, - спросила Джуди, после паузы.

- А ты сама знаешь, кто ты? - умирающая глядела прямо в глаза Джуди - просто, открыто. Джуди не смогла отвести взгляд.

- Комендант прятала меня, когда я была беременна, - продолжила 1435, - она же и принимала его. Иди к ней. Она сказала, что сохранит его и спрячет.

У Джуди внутри что то перевернулось - ее бросило в жар, потом - в холод, она почувствовала себя маленькой, уязвимой, будто промозглый ветер трепал ее на огромной равнине.

Джуди нажала на пульте кнопку - фиксаторы на запястьях 1435 раскрылись. Но она не убрала рук.

- Вот... - Джуди, дрожа, развернула ткань: в руках у нее оказался плюшевый медвежонок, - я несла для ребенка...но он, наверное... слишком мал для игрушек...

1435 легко улыбаясь, смотрела на Джуди, не произнося ни слова.

- Пусть он будет у вас. Все таки... веселей...

Джуди подключала к игрушке пульт и вводила код. Ей мешала какая то детская неловкость, будто она показывала родителям как выдрессировала щенка, а тот не слушался и гонялся за собственным хвостом. И только сейчас она стала понимать, что ей не хватает кислорода. На висках Джуди выступили капли пота. Отсек начал расплываться в глазах.

Наконец, ровный электронный голос произнес:

- Ввод данных.

- Робот-партнер, - Джуди глубоко вдохнула, - ты сменяешь владельца. Имя нового владельца... Как ваше имя?

- Люси, - дрогнули губы заключенной №1435

- Люси, - выдохнула Джуди.

- Подтверждаю: имя нового владельца: Люси.

Джуди поставила робота стоймя на смятое одеяло, возле бессильной руки заключенной и нажала кнопку на затылке. Медвежонок ожил: расправился, оглядел изможденное лицо новой хозяйки и смешно замахал лапами:

- Салют, Люси!

- Салют, Тедди, - слабо шевельнула пальцами женщина.

Джуди поднялась:

- Давайте, я сделаю вам укол - стабилизировать давление, а Тедди пусть станцует. Он очень хорошо танцует...

- Пусть он станцует, - веки Люси затрепетали, - но сделай мне другой укол... Пожалуйста...

Глаза женщин встретились: на поверхности Джуди у видела мольбу, а глубоко на дне - огромную, огромную спрятанную боль.

- Пожалуйста...

Из медвежонка неслись звуки старой шарманки - он уморительно приседал на постели, пытаясь выкидывать коленца, сопровождая это забавными возгласами. Люси смеялась, Джуди показалось, что ей действительно

радостно. Медвежонок то ластился к ноге, то встряхивал пальцы умирающей.

Джуди сидела в аппаратной - она запрограммировала наноботов безболезненно исполнить желание Люси. Слезы текли по лицу Джуди, она глубоко дышала, в ушах стучала кровь. Дрожащими пальцами она направляла одно воинство ботов в аорту, другое - в мозг.

Джуди медленно вошла и опустилась на постель у ног Люси. Плюшевый робот, щебетавший что-то хозяйке, вдруг повернулся:

- Салют, я - Тедди. А это - Люси. А ты кто?

- Я не знаю... - Джуди вдруг зарыдала и упала на постель, обняв тонкое тело больной, - Я не знаю, кто я!...

Люси гладила бьющуюся Джуди по голове, и каждое движение давалось ей труднее и труднее. Ритм ее сердца замедлялся, лицо становилось все бледнее. На лице ее играла отрешенная легкая полуулыбка.

- Ты... - шептала она, - поцелуй его от меня...

Джуди с усилием втянула воздух. Ей было очень жарко. Казалось, все слезы, что в ней были, она выплакала на груди Люси. Джуди поднялась, руки мертвой легко, как бумага соскользнули с плечей Джуди. Она окинула взглядом улыбающееся лицо Люси, протянула руку и закрыла карие глаза навеки.

Медвежонок смирно сидел у трупа, чуя недоброе.

- Ты бы не могла оказать медицинскую помощь Люси? - спросил медвежонок.

Джуди не ответила. Шатаясь, она подошла к иллюминатору с играющими детьми на нем. Яркая картинка расплывалась перед ней на блики и пятна. Голоса ребятишек доносились будто издалека.

Внезапно раздался глухой удар и в отсеке моргнул свет - будто колосс шагнул по океанскому дну. Джуди услышала сигнал - главная консоль бокса начала перезагрузку. В следующее мгновение свет погас - Джуди оказалась одна в крошечной влажной тьме. Дети исчезли с поверхности иллюминатора - теперь за ним царил холодный мрак Океана, прорезываемый сигнальными

прожекторами "Ордалий", вокруг которых вился планктон. Что-то было не так - Джуди пригляделась, припав носом к стеклу: вместо двух цилиндров электростанции, которые обычно были в зоне видимости, теперь на дне возвышалось нечто намного большее. Это был корабль, точнее его половина - развороченный взрывом обломок огромного судна похоронил под собой электростанцию, а с ней и реактор "Ордалий." Моргающий прожектор совершил оборот, и Джуди с ужасом увидела на освещенном борту властную Марию с мечом в одной руке и с младенцем в другой. Из-под останков тюремного лайнера Матриархии, будто дым сожженных городов, поднималась туча ила и песка.

И третий ангел вострубил.

7.

Когда заработало резервное питание, дверь бокса наконец раскрылась. Джуди выползла, ловя ртом воздух. Коридор застилал дым, откуда-то слева слышался шум хлещущей воды, и, сквозь звуки сирены пробивался ровный голос Настоятельницы, зачитывавшей инструкции для внештатных ситуаций. Кто-то пробежал мимо Джуди, но кто это - в кроваво-красном свете аварийных фонарей было трудно разобрать. Джуди поднялась на ноги, прошла несколько шагов, но тут же споткнулась о чье то тело в черной форме. Джуди снова поднялась и пошла - инстинкт подсказывал ей направляться в Координаторскую Зону. По еле тлеющим плакатам, мимо которых она проходила, шли помехи. Последний раз сверкнув белоснежной улыбкой, синие менеджеры гасли навсегда.

Держась за стену, Джуди двигалась - шла, ползла, снова вставала - упорно, хотя почти не видела ничего вокруг. На нее кто-то натыкался, из кают, мимо которых она проходила, раздавались вопли и глухие удары, но она все шла и шла, пока не увидела за поворотом заклинившую нано-дверь Координаторской Зоны. Джуди протиснулась через отверстие в оплывавшем твердом металле и увидела дюжину сестер, сгрудившихся у мостика. Кого-то рвало, кто-то сидел, обняв колени, в ступоре, кто-то причитал.

Дышать тут было немного легче - Джуди поковыляла к ним, отшатываясь от фонтанов искр, бьющих из блоков питания.

- Вы не видели Гудрун? - Джуди опустилась на колени рядом с молоденькой веснушчатой сестрой.

Та поглядела на Джуди круглыми от ужаса глазами.

- Сестра номер Двадцать! - обратилась Джуди к остальным. Никто не отозвался.

- Война! Снова война! Матриархии конец! - яростно прошептала в лицо Джуди веснушчатая.

Джуди откинулась на холодный пол. Больше ничего не будет. В ушах стучала кровь. Густой воздух нехотя наполнял ее легкие. Джуди просто хотелось, чтобы все это поскорее закончилось.

Внезапно кто-то схватил ее за волосы и потащил. Было больно, но Джуди открыла глаза, только лишь, когда кто-то сильный протянул ее за собой сквозь отверстие в нано-двери. Жадно вдохнув из маски, которую кто-то приставил к лицу, она вдруг увидела над собой Сестру-коменданта.

- Вставай, номер двадцать пять! - скомандовала та. Голос сквозь маску прозвучал глухо, но подействовал на Джуди отрезвляюще. Пока она поднималась на ноги, Комендант закрепляла на ее поясе баллон.

- Вы... - Джуди слабыми руками хваталась за воротник Сестры-коменданта, - где...

Только сейчас Джуди заметила, что мегера цепляет баллон одной рукой - второй она прижимала к себе белый сверток.

- Слушай меня! - Комендант указала назад, - в восточном крыле есть аварийный батискаф на двоих - на случай эвакуации руководящих чинов. Код есть только у меня. Сейчас ты пойдешь со мной туда и отправишься наверх!

- С... С вами?

- Нет, с ним, - Сестра-комендант сунула в руки Джуди сверток с еще одним баллоном.

Джуди покачнулась, и вдруг кругом все замедлилось. Она увидела, как, стоя среди разводов дыма улыбающаяся полногрудая Мадонна передает ей агукающего малыша. Мальчик взмахивал ручками и смеялся. На груди у него

покоился земной шар, подернутый облаками. Мадонна размахнулась и... Влепила Джуди пощечину.

Колени подгибались, руки дрожали.

- Ты надыхалась дыма,- лунный лик Богоматери снова стал жестким лицом Коменданта, - держи его крепко, как будто это твое сердце.

Джуди увидела под прилепленной к ткани маской маленькое розовое личико. Младенец, как ни странно, спал и улыбался во сне. У Джуди вдруг стало спокойно на душе. Будто она уже была дома.

- Это... Он? - Джуди нашла в себе силы улыбнуться.

- Я не знаю, кто он. Но он единственный достоин того, чтобы его спасли. И ты это сделаешь!

Джуди опустила взгляд: бок Сестры-Коменданта был залит кровью, в бедре торчали три адреналиновые капсулы. Она тоже умирала.

- Ложись! - рванула Комендант Джуди. В воздухе просвистели ампулы парализатора.

- Они хотят убежать! - завизжала сестра, почти полностью выбравшаяся из нано-двери, - есть еще батискафы!

Прогремел выстрел. Комендант подняла Джуди и толкнула ее вглубь коридора. Оглянувшись на бегу, Джуди увидела, как вокруг лежащей навзничь сестры расплывается темное пятно: оружие Коменданта было боевым. Сзади слышались истошные крики - сестры бросились бежать за ними. Щелкали парализаторы, прогремело еще два выстрела. Больше Джуди не оборачивалась - бежала, прижимая к себе сверток так, будто это - ее сердце.

- Сохрани его, - хрипела Комендант, сползая по заевшей створке двери шлюза, - он такой... красивый... - глаза ее тускнели. Пистолет, смотрящий в сторону коридора, задрожал в ее руке.

Люк батискафа открылся. Из-за поворота донеслись торжествующие полубезумные крики. Комендант поцеловала младенца в лоб и толкнула Джуди к люку. Та забралась внутрь, но, вдруг, содрав маску, закричала:

- Как вас зовут?

Комендант повернула к ней потное лицо и слабо улыбнулась:

- Кейт. Меня зовут Кейт.

Перед тем, как люк закрылся, Джуди видела, как Сестра-комендант шепчет какие-то слова. Потом раздались выстрелы.

"Каждый молится, как умеет", - вспомнила Джуди слова Гудрун и, тихонько покачивая младенца, стала напевать:

Спи, дитя, спокойным сном.

Целый мир уснул кругом,

Тихо дышит в тишине,

Улыбается во сне...

*В тексте приведены выдержки из стихотворения У. Блейка «Колыбельная песня» в переводе С. Маршака.

2010 г.

Минск